III.

Обратимся теперь к так называемой Паннонской легенде о Константине Философе,[1] которая остается наиболее содержательным, но вместе с тем и наиболее сложным источником сведений о нем, как писателе. В ней находится, по словам ее составителя, несколько выдержек, извлеченных в сокращении из подлинного, но ныне утраченного, его писанния. Приводится в ней также ряд монологов, изречений и мыслей Просветителя славян. Но исторический материал настолько тесно сплетен в ней с литературными условностями старого времени и с умозрением самого биографа, что у читателя легенды неизбежно возникает недоумение: кого именно — философа или агиографа следует признать действительным автором тех отрывков из сочинения Учителя славян, на которое ссылается биограф, и тех изречений, которые легенда, насыщенная полемическими диалогами, влагает в уста Константина? Можем ли мы поэтому опираться на нее для соответствующих выводов об его письменных трудах?

В византийской, как и в восточной литературе, диалоги и речи, влагаемые в уста действующих лиц, равно как приписываемые им писания, принадлежали к самым обыденным приемам изложения, в каких на родине ораторского искусства изощрялись и хронография, и агиология, но которые более отражали вкусы и дарования хронистов и жизнеописателей, чем исторических деятелей.

Если бы мы не имели письма Анастасия, и если бы в легенде не было прямой ссылки на одно из сочинений Константина-Кирилла, то у нас не было бы никакого основания полагать, что приписываемые ему легендою полемические рассуждения действительно принадлежат ему, а не биографу, заинтересованному в прославлении гениального мудреца и учителя.

Поэтому для того, чтобы извлечь из Паннонского Жития фактические известия об авторской деятельности Философа, необходимо предва-

---

[1] Ссылки на Житие Константина Философа делаем по изданию О. Бодянского, в Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862, кн. II.